

Образ будущего и социал-традиция

© Шипков А. В.

© Shchipkov A.

Образ будущего и социал-традиция

A view of the future and the social tradition

Аннотация. Показаны исчерпанность неолиберальной модели развития общества, ее архаизация, ставка ее приверженцев на ультраправую идеологию. Обосновано, что западный мир стоит на пороге переоценки ценностей, отказа от колониалистской идеологической матрицы, породившей нацизм (радикальную форму колониализма), коммунизм (авторитарную реакцию на колониализм) и неолиберальную глобализацию (современную форму колониализма). Западу предстоит вернуться к христианским ценностям. Сделан вывод о том, что политическим трендом будущего является синтез традиционализма и социалистических идей (социал-традиционализм), который означает возврат от фиктивной к реальной демократии.

Annotation. The article shows, that neoliberal model of development is turning archaic, with its adherents inclining towards ultra-right ideology. The modern Western world is standing on the brink of the fundamental reassessment of the past and reinvention of its basic values. It is moving towards absolute rejection of the colonialist ideological matrix that gave rise to Nazism (as the radical form of colonialism), communism (as the authoritarian reaction to colonialism) and neoliberal globalization (as the modern form of colonialism). At the same time, the Western world will renounce the way their own (Christian) tradition had been ruptured and will return to Christian values. Social traditionalism, being the synthesis of traditionalist and socialist ideas, appears to be one of the most promising political trends of the future. This kind of traditionalism will bring about a return from the fictitious democracy to the real one.

Ключевые слова. Демократия большинства, колониализм, неолиберализм, политическая лестница, разрыв с традициями, социальная парадигма, социальный традиционализм, традиционализм.

Key words. Democracy of the majority, colonialism, neoliberalism, political scale, the rupture of tradition, social paradigm, social traditionalism, traditionalism.

1

Прогностические возможности — один из критериев применимости любой научной теории. Но сегодня тема будущего порождает особенно высокий, как никогда ранее, уровень дискуссионности.

Эта ситуация возникала в СССР как раз перед перестройкой. Но теперь размах происходящего явно масштабнее. Думаю, сегодня мы стоим на пороге новой, на этот раз уже мировой, перестройки.

Еще недавно считалось, что неолиберальный консенсус способен обеспечить устойчивое развитие обществу в мировом масштабе. Об этом шла речь в концепции «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы [4].

ШИПКОВ Александр Владимирович — профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, кандидат философских наук, первый заместитель председателя Синодального отдела РПЦ МП по взаимоотношениям с обществом и СМИ.

Но в 2017 г. Фукуяма сам публично отрекся от своей идеи. Конца истории не предвидится. Теория конфликта цивилизаций Самюэля Хантингтона [5] также теряет свои объяснительные возможности. Ведь она предполагает, в частности, что внутри современного Запада — все в порядке, это бесконфликтная зона. А конфликт — он с чужаками, с «экзистенциальным Другим».

И вот в последние годы выяснилось, что внутри правящих элит «золотого миллиарда» назрел раскол по многим вопросам. Создавать ли новые точки конфликтов на мировых окраинах? Продолжать ли эмиссию доллара? Идти ли на трансатлантическое и транстихоокеанское партнерство? Все труднее в последнее время обеспечить стабильность мировой финансовой системы и политический контроль над миром. Многие процессы становятся непредсказуемыми. В последние годы случились такие неожиданности, как Brexit, победа несистемного кандидата в США, воссоединение русских Крыма со своей большой родиной, провал попытки либерального переворота в Турции, успехи асадовской коалиции в Сирии. Все это было невозможно раньше, при старом экономико-политическом режиме. Сейчас в нем происходят необратимые изменения.

2

Прежняя парадигма уже не работает. Вопреки ее цивилизаторско-мессианской идеологии и гуманистической риторике мы наблюдаем архаизацию системы, откровенную ставку на ультраправую идеологию. Российский философ А. С. Панарин справедливо отмечал, что «новые демократы» мыслят по-расистски, отказываясь от установок христианского и просвещенческого универсализма. Благородную открытость просвещения они заменили эзотерикой «демократического» расизма, связанного с убеждением в том, что демократия имеет свой тип ментальности, характеризующий европейского «белого человека» [3. С. 15].

Либеральная система ценностей все больше расходится не только с нравственными нормами, но и с объективной реальностью. Невозможно говорить о свободном рынке и правах человека, одновременно подерживая санкционные режимы. Бессмысленно говорить о демократических процедурах, когда на выборах вместо борьбы идей задает тон война компроматов. Свобода прессы бесполезна, если вся пресса скуплена одной из сторон конфликта. Идея национального выбора теряет смысл, когда право на независимость дается одним нациям, но отнимается у других.

Защита меньшинств превратилась в дискриминацию большинства, а христианophobia стала общим местом. Миссионерство и апокалиптические химеры, навязчивый поиск врага в виде «оси зла» или «стран-изгоев» в международной политике и гражданских верованиях ряда западных правительств заставляют вспомнить о бердеявском «новом Средневековье».

Незадолго до избрания президентом Дональд Трамп извинился перед сербами за бомбардировки Белграда авиацией НАТО, — именно его

в США называли за это «фашистом», а не тех, кто отдавал приказы бомбить Белград, Ирак, Ливию.

Некоторые философы XX в. — например Карл Шмитт и Джорджо Агамбен — отмечали, что уже после Первой мировой войны в европейском обществе наступил период резкой трансформации политического режима. Джорджо Агамбен назвал это состояние общеевропейским режимом «чрезвычайного положения». Он утверждал, что «нормативный аспект права обесценен» всевластием правительства, которое за границей «игнорирует международное право», а у себя дома лишь имитирует «принцип разделения властей». Де факто «республика является не парламентской, а правительственной — *gouvernementale*» [6. С. 102]. Так уже между двумя мировыми войнами начался процесс трансформации либерального капитализма в денежный феодализм. Мы имеем дело с квазилиберализмом, давно разорвавшим связь с собственными историческими истоками. И эту связь невозможно восстановить.

Как писал Святейший Патриарх Кирилл, от лозунга Французской революции «Свобода, равенство братство» не осталось почти ничего. Действительно, о равенстве и братстве речь давно не идет, свобода превратилась в инструмент манипуляций, а то, что сегодня называется «демократией», люди, стоявшие у истоков европейской демократии, называли бы разве что олигархическим правлением.

Социальное неравенство вновь оправдывается культур-расистскими доктринами, едва прикрытыми эвфемизмами и пустыми политологическими клише. Например, замена понятия «культурная неполноценность» на «несоответствие демократическим стандартам» вряд ли может обмануть мыслящую аудиторию: эвфемизмы — продукт языка, а не социально-политической реальности. Под тонким флером псевдодемократической риторики о защите прав и свобод Запад являет миру своего внутреннего варвара. Неудивительно, что в 2014 г. США и Канада не поддержали инициативу ООН о запрете героизации нацизма. Как бы иначе они поддерживали бандеровский режим в Киеве?

Художник Максим Кантор несколько лет назад выразился предельно откровенно: «Искусственное язычество и новое дикарство есть выбранная цивилизацией роль по отношению к былым колониям. Решалась важная задача: искали точную интонацию в диалоге с Третьим миром, который декларировали равным себе, хотя настоящего равенства... никто в виду не имел. Можно было ожидать, что дикарей приблизят к цивилизации, однако границу с Третьим миром маскировали иначе: сами притворились дикарями и таким образом изжили комплекс стыда по отношению к обездоленным и решили проблему обучения неграмотных. Бремя белых приятно нести, когда разрешено бить туземцев по пяткам, но если требуется уступать туземцам место в трамвае, то на кой ляд такое бремя белых? Искусственное дикарство избавило христианскую цивилизацию от невыгодной сегодня роли миссионера — ответственность перед “малыми сими” только мешает; нам нечему научить дикарей» [2. С. 89—90].

Так выглядит «новая дикость» — внутренний варвар современного мира, мнящего себя цивилизованным.

Проанализировав современный политический жаргон, мы обнаружим в нем набор часто повторяющихся и давно потерявших смысл понятий: «открытое общество», «тоталитаризм», «демократические стандарты». Часть из них — слова-пустышки, часть (например, «демократия») — понятия с искаженным, превратным содержанием. Нам, русским, это известно по брежневской эпохе — как один из признаков «застоя». Спутанность, закоснелость, идиоматизация социально-политического языка говорит о том, что современная политика ходит по кругу, при этом ни одна мировая проблема не решается. Имеют место кризис доверия, кризис легитимности и в итоге — кризис идей.

Экономист, философ и социолог Иммануил Валлерстайн, прогнозируя данную ситуацию, уже в книге «После либерализма» писал: «Пора трезво взглянуть на историю либерализма, чтобы увидеть, что можно спасти после его краха, и понять, как можно бороться в трудных условиях неопределенности того наследия, которое либерализм завещал миру» [1. С. 7]. Он был не совсем точен. Речь сегодня идет не только о либерализме, но и о консенсусе, который можно назвать леволиберально-консервативным, поскольку условный либерализм старой школы давно сошел с исторической сцены, а современный неолиберализм — это результат поглощения соседних идеологий, которое и привело общество к принудительному единомыслию.

Неолиберальный идеологический дискурс — конструкт из ультралиберальных, квазисоциалистических и квазиконсервативных идей. Приставка «квази-» в двух последних случаях необходима. Условный консерватизм в действительности специализируется на консервации существующего миропорядка, а не традиционных ценностей. Условно «левый» тренд подменяет решение социальных проблем практиками избирательной правозащиты, отстаиванием интересов меньшинств и т. п. При этом неолиберализм переходит из разряда «горячих» в разряд «холодных» идеологий, а неолиберальный мир переживает фазу обскурации и проявляет признаки стремительного культурного регресса.

Но процесс архаизации и саморазрушения современного общества опасен для всех — и для виновных, и для их жертв. Обществу нужна кардинальная смена парадигмы. Поэтому западный мир оказался на пороге «перестройки» — в ситуации, аналогичной ситуации позднего СССР. Возникает проблема оптимальной модели развития, которая включает в себя тот или иной образ будущего. Еще в конце XX в. можно было бы говорить о множестве вариантов такой модели. Но сегодня — во многом по причине нашего бездействия — набор вариантов будущего предельно сузился. Поэтому корректно сказать, что на данном этапе возникает точка бифуркации — развилка.

Мировые элиты — или, как любят выражаться американцы, «глубинное государство» (deep state) — стоят перед выбором: пытаться сохранить мировой контроль с помощью разжигания конфликтов или признать, что глобализация достигла пределов, и начать демонтаж политико-экономических и идеологических оснований современного за-

падного проекта. Первый путь — новые гуманитарные бомбардировки и санкции, поддержка ультраправых в странах-сателлитах (Украина, Прибалтика, Польша, часть Сирии и др.). Он связан с большими жертвами и кровью, при этом дает лишь небольшую отсрочку кардинальному решению проблем. На данном этапе выбор сценария еще может влиять на сроки грядущих перемен, но уже не способен их отменить. Это вопрос времени, а не принципа. Поэтому есть смысл рассматривать именно второй сценарий — кардинальную смену парадигмы развития.

4

Прежде всего надо признать тупиковость, ошибочность и аморализм той модели развития, которая называется «колониальный капитализм» и «неолиберальный глобализм». Без признания единого исторического и идейного базиса сперва колониалистского, затем нацистского и наконец неолиберального глобалистского проекта невозможно оздоровление общества. *«Колониализм — нацизм — неолиберальный глобализм»* — вот комплекс идей, от которого над отказаться. Это необходимое условие устойчивости и предсказуемости будущих перемен. Они невозможны без признания вины и без покаяния. Не за отдельные факты апартеида, расизма и дискриминации, а за всю доктрину цивилизационного превосходства.

Надо признать тупиковость, ошибочность и аморализм той модели развития, которая называется «колониальный капитализм» и «неолиберальный глобализм». Без признания единого исторического и идейного базиса сперва колониалистского, затем нацистского и наконец неолиберального глобалистского проекта невозможно оздоровление общества.

Второе, что надо признать, — это патологический характер сознания, основанного на *отказе общества от собственной, христианской, традиции*. Ни одна цивилизация в мире, кроме западной, не строила свое развитие на разрушении собственной традиции, на отказе от нее. Это характерно только для сознания «первого мира». Без преодоления болезненной христианофобии и исторического вандализма, без возвращения к идее договора поколений и нравственных ценностей невозможно восстановление фундаментальных общественных начал.

Восстановление традиции означает в том числе и сохранение ценностей классической рациональности и научно-критического мышления,

которые необходимо очистить от идеологических спекуляций натурализма и позитивизма. Без возврата к *подлинной рациональности* не может быть и полноценного восстановления христианского универсализма.

Когда оба условия будут выполнены, западное общество вступит на путь исцеления и духовной репатриации.

Речь сегодня идет о том, чтобы выйти из ситуации с наименьшими потерями для всех. И условием этого выхода становится смена всей парадигмы консенсуса, а не только либерализма как такового — поскольку она давно не «покрывает» ту социальную реальность, которая приходит на смену прежней.

Сегодня принято говорить о консервативной альтернативе авторитарному неолиберализму; но эта идея вызывает много вопросов. Прежде всего: исторически консерватизм — это XVIII—XIX вв., реакция представителей «старого режима» на буржуазную революцию. Но их давно нет. Тогда что предлагается консервировать? Христианские ценности? Но они явно изгоняются из современного общества, в Конституции ЕС христианство не упомянуто. На практике сегодня возможен только ситуативный «консерватизм» — сервильный, прислуживающий отжившей свой век системе, где права и экономические свободы существуют не для всех, а для одних за счет других. Современный консерватизм не имеет собственной повестки и теряет смысл в условиях искусственных социальных различий и бесконечных «инноваций». Консервативная позиция провозглашается с единственной целью: слегка подкорректировать набор политических понятий, но не менять систему вещей, т. е. заморозить ситуацию. Но заморозить ее без эскалации социального насилия уже нельзя: это первый — фатальный и тупиковый — сценарий «выхода» из кризиса. Консерватизм, не имея собственной исторической повестки, не может встать на ноги.

Что касается социализма, то у него есть будущее, — но лишь если он найдет силы вырваться из удушающих объятий неолиберализма. Не надо путать социализм сегодняшний с советским и тем более с коммунистической идеологией. Вопреки консервативно-либеральной критике, такой социализм не отрицает право на частную собственность, а лишь выступает против крупного капитала и транснациональной финансовой олигархии, которые препятствуют реальной демократии, и за государство с широкими социальными гарантиями и экономическим суверенитетом. Разумеется, все это возможно лишь при опоре на государство и традиционные модели социальной коммуникации, — поэтому такой социализм выступает за сильное национальное государство, активную социальную роль церкви, за укрепление института семьи и нравственные критерии в обществе. Такой социализм неотделим от традиционализма и более того — прямо вытекает из него.

5

Мы переживаем уникальный исторический период, когда неизбежна трансформация привычного политического спектра. Вместо знакомой

триады «консерватизм—либерализм—социализм» мы скоро окажемся в рамках другого треугольника: «национализм—социализм—традиционализм».

Национализм вряд ли будет самостоятельным идеологическим течением, скорее — составной частью других идеологий. Он уже сейчас существует в двух непохожих разновидностях. Одна — это неонацизм, используемый транснациональной финансовой олигархией для перестройки территорий, рынков, демографических и культурно-языковых пространств, для развязывания локальных войн. Другая — это национализм, которому чужды идеи расового неравенства, который имеет давние культурно-языковые и исторические корни. Именно этот второй тип постоянно попадает под удар позитивистской и конструктивистской идеологии, трактующей нацию как «воображаемые сообщества».

Наконец, традиция и традиционализм. Они — системообразующий фактор новой идеологической парадигмы, точка схода ее частей — социалистической, собственно традиционалистской (в ее локальном, «местном» понимании) и элементов демократического, культурного национализма. Это социал-традиционалистская модель развития общества — с этатистским государством и справедливым распределением общественных благ. Это, в частности, восстановление в сознании людей связи прошлого и будущего, синтез двух модальностей истории — «наследия» и «проекта», позволяющий устранить исторические разрывы.

В рамках социал-традиционалистской модели традиционализм имеет два значения: локальное (национальная культура) и универсальное. Традиционализм в широком, универсальном смысле — это уважение ко всем традициям как основе демократии и социогенеза, если только они не исповедуют идеи превосходства. В рамках универсального традиционализма все культуры и цивилизации считаются уникальными в равной мере. В этом случае вступает в силу закон их несравнимости и несоизмеримости, т. е. принцип «культурно-ценностного плюрализма». Об этом принципе писал, например, Дж. Грей в нашумевших «Поминках по Просвещению». Он оспаривает универсалистские претензии современного неоллиберализма — в частности идею обобщенных «западных ценностей» как ценностей универсальных. А А. С. Панарин неоднократно указывал на синтез традиционализма — ценностей русско-византийской цивилизации — и идеи социальной справедливости, сочувствия к «париям» глобального мира.

Разумеется, в случае реализации социал-традиционалистской модели общества уйдет в прошлое тенденциозная концепция, основанная на дихотомии «традиция — современность». Сегодня под видом современности чаще всего выступает одна из существующих традиций, претендующая на глобальный статус, что указывает на по-прежнему колониалистский тип мышления. В этом случае культурно-исторические особенности выдаются за некую историческую стадийность. Понятна и очевидна подмена, возникающая в рамках этого подхода. Части политических элит придется переосмыслить прошлое и принести покаяние

за колониалистскую идеологию, насаждавшуюся несколько веков и породившую как радикальную форму колониализма (нацизм), так и авторитарную реакцию на него (коммунизм).

Итак, социал-традиционализм принимает на себя функции, позволяющие формировать идеологический консенсус, в рамках которого уживаются идеи социализма, культурного национализма, религии и собственно традиции. Социал-традиционализм станет основой восстановления в правах реальной демократии большинства. Именно традиция является ядром реальной демократической системы, поскольку лишь ценности традиции имеют общеобязательный характер для всех социальных слоев.

Вытеснение из исторической памяти ошибок и преступлений недопустимо. Свободно мыслящий человек не может разделять пещерные и отжившие свой век идеи — ни саморазрушение культуры и «новую дикость», ни идею культурно-расового и цивилизационного превосходства. Эти фантомы сознания разложили общество. Необходим трезвый взгляд на историю, глубокая перестройка культурной и социальной политики, полный отказ от варварской идеологии XX в., которая превозносила одних людей над другими, сиюминутное над историческим, материальные ценности над нравственными. Период добровольной исторической дикости завершается, эта страница истории будет без сожаления перевернута. Никто не будет в будущем выдавать лицензию на «цивилизованность» и угнетать другие народы.

Правда, инерция колониалистского проекта — всемирного «крестового похода» еще сильна, но основания этой доктрины уже пошатнулись. Наша задача — осторожно демонтировать и деактивировать данный проект прежде, чем он рухнет нам на голову, выйти из опасной идеологической зоны до завершения отпущенного нам исторического срока.

Новый Большой стиль стучится в сердца европейцев, русских, американцев, африканцев, азиатов, австралийцев. Он разрушает индустрию лжи и фальсификаций. Люди хотят вернуть себе законное право на прямое высказывание, право говорить друг с другом на более человеческом языке и строить более человеческие отношения. Стратегические решения о том, как двигаться по новому пути, предстоит выработать в ближайшее время.

Литература

1. Валлерстайн И. После либерализма. М. : Едиториал УРСС, 2003.
2. Кантор М. Перспективы авангарда // Перелом. Сборник статей о справедливости традиции. М. : ПРОБЕЛ-2000, 2013.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Эксмо, 2003.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ : Ермак, 2004.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. AST Publishers, 2014.
6. Agamben G. Ausnahmezustand. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2004.

